

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-6.3>

Герш Ксения Вадимовна, Заводская Ирина Николаевна

**ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ КУЗНЕЦКСТРОЕВЦЕВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ЛОКАЛЬНОГО ПОДХОДА И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ**

Статья посвящена женскому движению с точки зрения гендерных стереотипов традиционного и индустриального общества. С опорой на воспоминания женщин Кузнецкстроя в работе раскрываются особенности гендерного подхода и локальной истории, возможности их использования при изучении женского движения. В центре внимания авторов находится движение жен инженерно-технических работников (ИТР) и домохозяек Кузнецкстроя, которое является важным объектом исследования при изучении стереотипного поведения. Делается вывод о том, что стереотипы традиционного общества продолжали сохраняться в рамках формирующегося городского сообщества, несмотря на активную роль женщин в общественном движении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/6/3.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(92) С. 14-18. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

14. **Чехословацкий корпус в Поволжье. 1918-1920 годы:** документы и материалы / сост. А. Г. Рыбков; под ред. С. Ю. Наумова, А. И. Демидовой. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. 184 с.
15. **Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914-1920:** документы и материалы. М.: Новалис, 2013. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914-1917 гг. 1016 с.
16. **Beament A.** Hrdinské činy československých legií. 2 vyd. Praha: Kvasnička, 1919. 147 s.
17. **Dorazil V.** Jan Gayer, velitel 4. střeleckého pluku "Prokopa Velikého". Praha: Obzor, 1933. 147 s.
18. **Interpretace ruské revoluce 1917.** Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2008. 182 s.
19. **Klecanda V. V.** Operace československohé vojska na Rusi v letech 1917-1920. Praha: Československý vědecký ústav vojenský, 1921. 16 s.
20. **Kratochvíl J.** Cesta revoluce (Československé legie v Rusku). Praha: Melantrich, 1922. 674 s.
21. **Kudela J.** Rok 1917 v dějinách odboje. Brno: Moravský Legionář, 1927. 116 s.
22. **Kudela J.** S naším vojskem na Rusi. Díl I. V době příprav. Praha: Nákladem Památníku odboje, 1922. 109 s.
23. **Kudela J.** Zborov. IV vydání. Praha: Nákladem Československé Obce Sokolské, 1927. 30 s.
24. **Medek R., Holeček V.** Bitva u Zborova a československý odboj. Praha: Statní nakladatelství, 1922. 32 s.
25. **Najbrt V.** Berezovka. Ze zajateckoho tábora do řad legií. Praha: Památníku Odboje, 1924. 99 s.
26. **Opletal B.** Anabáze hanáckého medika 1914-1920. Praha: Nakladatelství Ladislav Horáček – Paseka, 1998. 142 s.
27. **Pavel A.** Sibiřské úvahy. Díl I. Praha: Nákladem Památníku odboje, 1924. 254 s.
28. **Pospišil I.** Вводные слова к серии статей о русских революциях // Nová rusistika. 2014. Vol. VII. Iss. 1. P. 53-54.
29. **Skácel J.** Československá armáda v Rusku a Kolčák (Protibolševický boj v roce 1918-1920). Praha: Nákladem Památníku odboje, 1924. 433 s.
30. **Šimurda V.** Obrázky a vzpomínky československého vojska na Rusi 1914-1920 / [k tisku připravil J. Koláček st.]. Zubří, 2004. 176 s.
31. **Štejdler F.** Československé hnutí na Rusi. Praha: Nákladem Památníku odboje, 1921. 116 s.
32. **Ženatý V. B.** Historie a osudy československého vojska na Rusi. Brno: Družstvo Mor.-slezske revue, 1918. 44 s.

INFLUENCE OF FEBRUARY REVOLUTION OF 1917 ON CZECHOSLOVAK MILITARY UNITS FORMATION AS IT IS INTERPRETED BY CZECHOSLOVAK LEGIONARY LITERATURE

Valiakhmetov Al'bert Nailevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
albert80@mail.ru

The article analyzes in detail how the Czechoslovak legionary literature of the 1920-1930s evaluated the influence of the Russian February Revolution on the formation of Czechoslovak military units in 1917. The first historians of Czechoslovak Corps greeted the revolution from the viewpoint of their political views and from the viewpoint of its influence on the Czechoslovak national liberation movement in Russia. The general evaluation of this influence was positive because the revolution stimulated recruiting in Czechoslovak military units; but there were also negative factors (A. F. Kerensky's position, the danger of being involved into the civil war in Russia).

Key words and phrases: February Revolution of 1917; Czechoslovak Corps in Russia; Czechoslovak legionnaires; legionary literature; historiography; historians.

УДК 9; 93/94

Дата поступления рукописи: 07.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-6.3>

Статья посвящена женскому движению с точки зрения гендерных стереотипов традиционного и индустриального общества. С опорой на воспоминания женщин Кузнецкстроя в работе раскрываются особенности гендерного подхода и локальной истории, возможности их использования при изучении женского движения. В центре внимания авторов находится движение жен инженерно-технических работников (ИТР) и домохозяйек Кузнецкстроя, которое является важным объектом исследования при изучении стереотипного поведения. Делается вывод о том, что стереотипы традиционного общества продолжали сохраняться в рамках формирующегося городского сообщества, несмотря на активную роль женщин в общественном движении.

Ключевые слова и фразы: Кузнецкстрой; «движение жен ИТР»; движение домохозяйек; локальная история; гендерная история.

Герш Ксения Вадимовна, к.и.н.

Заводская Ирина Николаевна, к.и.н., доцент

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета
bambizova@mail.ru; zavodsk65@mail.ru

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ КУЗНЕЦКСТРОЕВЦЕВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛОКАЛЬНОГО ПОДХОДА И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

В современной исторической науке активное изучение гендерных отношений связано с общим смещением акцентов на исследование «человека в истории», его непосредственного исторического опыта. Следствием

«антропологического поворота» стало обращение к микроуровню исторического знания – к истории отдельных личностей, исторического казуса, истории повседневности. Одним из проявлений такого поворота стал интерес к женскому движению.

Женское движение в настоящее время является объектом исследований как историков, так и социологов, этнографов, культурологов, антропологов и других специалистов. Историки чаще всего рассматривают это движение в контексте макроподходов (проблем социально-экономического развития страны в целом) или микроподходов (локальной, гендерной истории). В целом интерес к женскому вопросу и движению в нашей стране возник сразу с момента его возникновения в Советском Союзе в 1920-1930-е гг. [5; 8; 10; 14]. В последующее время историки обращали внимание в основном на роль женщины в производственном, общественном, политическом процессах [18]: «Женщины рассматривались исключительно как резерв, трудовой и социальный, привлечь который было необходимо для достижения победы пролетарской революции» [2, с. 170]. В работах советского периода, с одной стороны, в научный оборот вовлечен массив архивного регионального материала, собран богатый статистический материал, а с другой – отсутствуют сама личность, ее переживания.

С 1990-х гг. в рамках историко-антропологического и гендерного подходов интерес к женскому движению и женской истории получил новый импульс. В центре внимания исследований находятся не только вопросы повседневной жизни, семьи, занятости, включенности в общественные процессы, но и поведение, самоидентификация, реконструкция картины мира женщины-труженицы, женщины-домохозяйки, женщины-общественницы [1; 4; 6; 13; 19] и пр.

В нашей работе мы рассмотрим трансформацию гендерных стереотипов в условиях модернизации 1930-х гг., используя гендерный и локально-исторический подходы в изучении женского движения Кузнецкстроя.

Обратимся сначала к анализу особенностей методологических подходов. Российская гендерная история фактически находится еще в стадии институционализации [20]. За последние двадцать лет создано множество центров гендерных исследований как в российской провинции (Тверь, Иваново, Пермь, Барнаул, Тамбов, Самара и др.), так и на постсоветском пространстве (Белоруссия, Казахстан, Азербайджан, Украина). Показательно, что большинство таких организаций занимаются междисциплинарными проектами. Деятельность этих центров очень важна на стадии накопления эмпирических данных гендерной истории России. Об этом свидетельствуют уже десять конференций, организованных Российской ассоциацией исследователей женской истории (РАИЖИ). Их участники включают в исследовательское поле не использованные ранее материалы местных архивов, источники личного происхождения, данные устной истории. Гендерный подход предполагает изучение психологических особенностей, стереотипов поведения мужчин и женщин. Новые привлеченные источники позволяют это сделать на микроисторическом уровне в рамках локальной истории.

Локальная история в последние десятилетия получила новый импульс развития, что объясняется антропологизацией исторических исследований и влиянием постмодернизма. Как отмечает З. А. Чеканцева, «антропологически ориентированная история изучает “телесность” и сознание людей во всех их “формах”, их поведение и связи (со средой, друг с другом и социумом в целом) в конкретном времени и пространстве» [17, с. 110]. Именно поэтому современная социальная история тяготеет к изучению региональных сообществ. В связи с этим возрастает интерес и к краеведению, которое «представляет собой не только любительские познавательные практики, но и уникальный социокультурный феномен» [12, с. 4]. Однако так называемая «новая локальная история» противопоставляется традиционному краеведению: «Краеведение и новая локальная история осмысливаются нами как два оппонирующих типа локальных/региональных исследований – интровертивный и экстравертивный соответственно. На этой основе выделяется этическое значение новой локальной истории как концептуальной основы преодоления ксенофобии и воспитания толерантного мировосприятия» [11, с. 131].

Новая локальная история обращается к субъекту исторического действия, нетождественному государству. Причем если старая локальная история рассматривалась в основном в качестве иллюстративных материалов для общенациональной истории, то новая акцентирует специфику исторических процессов в локальном пространстве. Это направление неразрывно связано с новой социальной историей, так как речь идет об изучении локальных сообществ (города, деревни и т.п.): «Можно сказать, что локальная история – это история микрообществ со своими характерными особенностями (социокультурный контекст местной истории), не вписывающимися в общегосударственную, глобальную историю. Исследования в рамках новой локальной истории признают многообразие региональной специфики, которое и составляет национальное целое» [7, с. 56].

Новая локальная история предполагает и свою специфическую методологию. Одной из ее особенностей является историко-психологический подход, когда внимание сосредотачивается на социально-психологических характеристиках локального пространства. Социально-психологические характеристики общества напрямую связаны с гендерными отношениями. Локальные сообщества предоставляют уникальные возможности реконструкции социальных ролей, стереотипов, иерархий на микроуровне. К тому же региональные архивы содержат огромный пласт источников (в том числе материалов устной истории), еще не исследованных с точки зрения гендерного подхода. Представляется, что интегрирование методов гендерных и локально-исторических исследований позволит выйти на новый уровень теоретического осмысления женской истории в нашей стране. Попытаемся применить эти методы при исследовании женского движения на Кузнецкстрое, используя в качестве источников стенограммы воспоминаний кузнецкстроевцев, записанные в 30-х и 60-х годах XX века.

Конец 20-х – 30-е годы XX века в истории нашей страны принято называть периодом индустриализации или одним из этапов модернизации России / Советского Союза. Именно на этом этапе происходят наиболее

существенные перемены в обществе и менталитете. С одной стороны, это связано с изменением политического строя и идеологии, а с другой – с активной урбанизацией, когда огромные массы населения переселяются из деревни в город.

Сталинск был одним из многих городов, возникших на волне урбанизации 30-х годов. На Кузнецкстрое формировалось довольно сложное маргинальное сообщество из крестьян, пришедших в город на заработки, комсомольцев и коммунистов, призванных на стройки первых пятилеток, спецпереселенцев, инженерно-технических работников и специалистов и т.п. Значительную часть этого сообщества составляли женщины, в основном это были жены рабочих и специалистов, приехавших на стройку.

Одной из характерных черт этого этапа модернизации является эмансипация женщин. Еще в 1921 году А. М. Коллонтай писала: «Положение женщины в обществе, государстве, так же как и взаимоотношения полов, определяется ролью женщины в народном хозяйстве» [5, с. 146]. Но эта мысль стала активно пропагандироваться и превратилась в один из принципов государственной политики только в условиях индустриализации, когда ощущалась нехватка кадров, и государство пыталось решить эту проблему за счет вовлечения женщин в производство. В постановлении ЦК ВКП(б) о задачах партии по работе среди работниц и крестьянок от 15 июня 1929 года говорится: «Принятый пятилетний план народного хозяйства обеспечивает огромный рост промышленности на базе реконструкции и социалистической рационализации, которая в отличие от капиталистической рационализации, основанной на эксплуатации рабочей силы, дает возможность без ущерба для функций материнства расширить применение женского труда в производстве, в том числе и в тяжелой индустрии...» [9, с. 517]. Таким образом, активное вовлечение женщин в производство было инициировано сверху и противоречило достаточно устойчивым традиционным гендерным стереотипам.

Помимо вовлечения женщин в производство ставились задачи повышения их социальной активности и культурного уровня. В связи с этим партия и государство инициируют женское движение – создание женотделов с институтом делегатских собраний при парткомах, комитеты по улучшению труда и быта женщин при исполкомах Советов, женские комиссии в профсоюзах, секторы по работе среди женской молодежи в комсомоле и т.п.

Одним из направлений женского движения в 30-е годы XX века становится движение жен инженерно-технических работников, главной предпосылкой которого стала нехватка рабочих мест на стройках для них. Как правило, это были горожанки с достаточно высоким уровнем образования и культуры. В условиях ускоренной урбанизации их потенциал можно было использовать в процессе формирования городского образа жизни. Как отмечает Ю. А. Костенко, «задачи движения общественниц были разнообразны, но в первую очередь оно ориентировалось на проведение политики культурной революции и обустройства быта. Жены ИТР содействовали формированию нового городского стиля жизни, и эта деятельность была чрезвычайно важна в стране, где огромные массы людей переходили от деревенского образа жизни к городскому» [6, с. 170].

Попробуем рассмотреть это движение с точки зрения гендерных стереотипов традиционного и индустриального общества. Само название этого движения говорит о том, что женщина является в первую очередь женой. Ее социальная значимость зависит от статуса ее мужа. В 1934-35 гг. это движение называлось «движением жен ИТР», с 1936 – «движением жен-общественниц». Изменение названия предполагало и изменение социального состава участниц, однако, как отмечает Ю. А. Костенко, «в целом это движение носило элитный характер» [Там же, с. 168]. С изменением названия не изменилась его гендерная сущность – оно по-прежнему оставалось движением «жен». Основными направлениями его деятельности были работа с детьми (организация детских садов и яслей), ликвидация неграмотности и малограмотности, бытовая работа, организация досуга. По сути, это традиционные функции женщины в семье, перенесенные на уровень социума.

Женское движение существовало и на Кузнецкстрое. В 1934 году был создан женсовет, а наиболее активной его частью стал совет жен ИТР, который возглавила жена директора Софья Александровна Бутенко. Она, судя по статьям в местной газете, журналах «Работница» и «Общественница», «отличалась способностью зажечь сердца своих соратниц словом, умением организовать их на грандиозные дела. Невысокая, ладная, с красивым греческим узлом волос, она вызывала восхищение окружающих ее как женщин, так и мужчин. Все, что бы она ни предпринимала или планировала, ей удавалось. Работа женсовета процветала» [16, с. 34].

Судьба Софьи Александровны достаточно типична для женщин того времени. На Кузнецкстрой она приехала с мужем. До брака жила в Донецке, имела среднее образование. В своих воспоминаниях она пишет, какое ужасное впечатление на нее произвел Сталинск, куда они приехали в 1934 году: «Боже, такая грязь, какие-то ямы! Еле-еле доехали до деревянной двухэтажной гостиницы на Верхней Колонии. Я в жизни не видела деревянных домов. Как это – в деревянном доме жить?!» [Там же]. Однако стереотип жены-соратницы, верной подруги, которая должна разделить судьбу своего мужа, не мог допустить мысли об отъезде. Через некоторое время Софья Александровна устроилась работать в горком партии, занималась делопроизводством. В воспоминаниях она отмечала, что ей «стыдно было получать зарплату» [Там же], так как оклад ее мужа был достаточно высокий. Бутенко даже просила разрешения у секретаря горкома партии работать бесплатно. Именно после этого случая ей предложили заняться общественной деятельностью в женсовете. Интересны мотивы поступков этой женщины: у нее не было желания самой зарабатывать деньги и быть независимой от мужа, однако было стремление к социальной реализации, которое можно было удовлетворить в общественной деятельности.

В своих воспоминаниях С. А. Бутенко постоянно подчеркивает, что она жила служебными делами мужа, который даже на курорт ей мог прислать телеграмму о рекордной плавке. Когда Софья Александровна встречалась с партийными и государственными чиновниками, ее принимали, прежде всего, как жену директора завода, быстро реагируя на ее просьбы: «Надо было найти одеяла, белье, но этого на заводе не было.

<...> Я поехала в командировку в Новосибирск, прямо к Эйхе. Приехала, позвонила ему. Он меня принял сразу. Как же – жена Бутенко приехала! Он пригласил снабженцев, выделил мне шерстяные одеяла» [Там же, с. 35].

В воспоминаниях Бутенко содержится информация о деятельности женсовета. В основном это была работа с детьми (устройство их в школы, ФЗУ), а также помощь в налаживании быта в общежитиях. Деятельность женщин носила и элитарную направленность: организация парка, кафе, ресторана, праздников для ИТР и т.п.

В воспоминаниях многих кузнецкстроевцев нашла отражение общественная деятельность и других жен ИТР. Так, в воспоминаниях Э. И. Островой, работницы рудника Темир-Тау, упоминается, что культ-пропом на руднике была жена управляющего т. Маркина, также «был самодеятельный драматический кружок и в нем участвовали человек шесть учителей, жена Грау – управляющего, жена Мерца – главного инженера, – в общем жены работников ИТР... руководила драмкружком жена зав. телеграфом Ломакова» [3, д. 251, л. 5].

Другим направлением женского движения на Кузнецкстрое было движение домохозяек. Дело в том, что во время строительства Кузнецкого металлургического комбината рабочих мест для женщин на стройплощадке было очень мало. Из 31 тысячи рабочих было всего 4 тысячи женщин. Большая часть жен рабочих, приехавших на строительство, а позднее и рабочих комбината, были домохозяйками. Призывы партии и различных женских организаций к активному вовлечению женщин в общественную жизнь, пример женской элиты нашли отклик и в этой социальной среде. В бараках и первых домах Сталинска возникали комитеты домохозяек, которые объединяли жен строителей и рабочих КМК.

В 1934 году в Сталинске проходила первая культурно-бытовая конференция, на которой комитеты домохозяек отчитывались о своей работе. Основными направлениями деятельности этих комитетов были благоустройство жилья, организация досуга, просветительская деятельность. В домах организовывались «красные уголки», в которых читались лекции, выпускались стенные газеты, проводились вечера. Домохозяйки рапортовали, что они «научились играть в шашки и домино и приняли на себя обязательство научиться играть в шахматы» [15, д. 63, л. 104]. Нормой было вмешательство в частную жизнь: представительницы комитетов не только следили за порядком в подъездах, но и контролировали быт рабочих. Вот что вспоминала об этом тов. Попова, домохозяйка из дома № 20: «Санитарная комиссия каждые 15 дней проверяет нашу работу – как мы ведем себя в квартирах, как боремся за чистоту...» [Там же].

Первые дома Сталинска заселялись отдельными цехами (в каждом доме жили рабочие одного цеха). Объединение и самоидентификация горожан происходили по производственному принципу. По этому же принципу общались и семьи рабочих, в том числе и их жены. Строительство и работа комбината были главной заботой горожан. Домохозяйки дома № 18 (в нем жили рабочие прокатного цеха) отчитывались, что они организовали экскурсию в цех, в котором работают их мужья, и даже субботник по уборке цеха. Тов. Кучинская призвала домохозяек внимательнее следить за работой мужей [Там же, л. 103]. Так домохозяйки общались к важнейшим для нового города производственным делам. Мы видим, что общественное движение домохозяек, так же как и движение жен ИТР, занималось деятельностью, соответствующей стереотипам женского поведения традиционного общества.

Женское сообщество Кузнецкстроя было неоднородным. Здесь были и женщины-активистки комсомольских и партийных организаций, и домохозяйки – жены рабочих, и женщины-работницы. Различные направления женского движения на Кузнецкстрое и в Сталинске играли важную роль в формировании городского образа жизни. С одной стороны, стремление женщин к производственной работе подчеркивало их включенность в общественно значимую деятельность, разрушая предшествующие гендерные стереотипы, с другой – сфера их деятельности ограничивалась традиционными «женскими» направлениями: воспитание и забота о детях, образование, обустройство «городского пространства» и т.п.

Проведя анализ гендерных стереотипов в условиях локального сообщества Кузнецкстроя, можно сделать вывод о том, что их трансформация происходила очень медленно. Лозунги о равенстве женщин носили в большей степени пропагандистский характер. На этапе активной модернизации, проводимой «сверху», общество оставалось в плену традиционных представлений.

Список источников

1. Волчо Е. В. Городские женщины Западной Сибири в 1930-е годы: автореф. дисс. ... к.и.н. Кемерово, 2008. 26 с.
2. Волчо Е. В. Движение жен-общественниц // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2008. Т. 7. Вып. 1. История. С. 169-173.
3. Воспоминания трудящихся г. Сталинска (Новокузнецка) по истории города // Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области. Ф. Р-137. Оп. 1.
4. Градскова Ю. В. Простая советская женщина. М.: Спутник, 1999. 155 с.
5. Коллонтай А. М. Положение женщины в эволюции хозяйства: лекции, читанные в университете им. Я. М. Свердлова. М.: ГИЗ, 1922. 208 с.
6. Костенко Ю. А. Женское движение в России в 1920-1930-е гг.: дисс. ... к.и.н. М., 2006. 336 с.
7. Кротт И. И. Новая локальная история: конструирование объекта и границ изучения // Методологические проблемы исторического познания: сборник научных трудов / отв. ред. В. Н. Худяков, И. И. Кротт. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 53-59.
8. Лебедев И., Хорошкевич Н. Сибирячка на социалистической стройке. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. 84 с.
9. Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок: Постановление ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 года // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986): в 15-ти т. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Богомолова. М.: Издательство политической литературы, 1984. Т. 4. 1926-1929. С. 515-523.

10. **Овсянникова М., Грингуз Э.** Женщина в стахановском движении. М.: Госсозэкгиз, 1936. 90 с.
11. **Румянцева М. Ф.** Новая локальная история в проблемных полях современного гуманитарного знания // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна»: материалы научной конференции / отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 130-132.
12. **Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А.** Пространство советского города (1920-1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / отв. ред. В. Г. Рыженко. Омск: Наука, 2004. 292 с.
13. **Рябцева И. А.** Женщины Западной Сибири 1920-1930-х годов: демографические и социальные проблемы: автореф. дисс. ... к.и.н. Новосибирск, 1996. 25 с.
14. **Серебренников Г. Н.** Женский труд в СССР. М. – Л.: Соцэкгиз, 1935. 240 с.
15. **Стенограмма пленума горсовета и стенограмма первой культурно-бытовой конференции (1934)** // Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области. Ф. Р-1. Оп. 1.
16. **Фойгт Л. И.** Женщины Кузнецкстроя. Воспоминания. Документы. Фотографии / под общ. ред. Ю. В. Ширина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1998. 76 с.
17. **Чеканцева З. А.** Антропологическая история как междисциплинарное исследовательское поле: возможности и пределы // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации: сборник статей / под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 102-112.
18. **Чирков П. М.** Решение женского вопроса в СССР (1917-1937 гг.). М.: Мысль, 1978. 257 с.
19. **Шабатура Е. А.** Образ «новой женщины» в советской культуре 1917-1929 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. Омск, 2006. 25 с.
20. **Юкина И. И.** Российская историография: создание «ее» истории // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН (г. Тверь, 4-7 октября 2012 г.): в 2-х т. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. С. 28-30.

WOMEN'S MOVEMENT IN THE MEMORIES OF KUZNETSK METALLURGICAL WORKS BUILDERS THROUGH THE LENSES OF LOCAL APPROACH AND GENDER HISTORY

Gersh Kseniya Vadimovna, Ph. D. in History
Zavodskaya Irina Nikolaevna, Ph. D. in History, Associate Professor
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University
bambizova@mail.ru; zavodsk65@mail.ru

The article analyzes women's movement from the viewpoint of gender stereotypes of traditional and industrial society. Basing on the memories of women – Kuznetsk Metallurgical Works builders, the paper reveals the features of gender approach and local history, the possibilities of their use while studying women's movement. Special attention is paid to the movement of housewives and the wives of the engineering and technical staff from Kuznetsk Metallurgical Works builders, which is an important research object when studying stereotypic behaviour. The authors conclude that, in spite of women's active participation in social movement, stereotypes of traditional society continued to exist within the framework of the urban community that was being formed.

Key words and phrases: Kuznetsk Metallurgical Works construction; movement of engineering and technical staff members' wives; housewives' movement; local history; gender history.

УДК 94(47).084

Дата поступления рукописи: 01.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-6.4>

В данной статье анализируются основные изменения в системе оплаты труда в колхозах Европейского Севера России в 1930-1960-е гг. Источниковую базу исследования составили законодательные акты, делопроизводственные документы Министерства сельского хозяйства РСФСР и областных земельных органов, материалы годовых отчетов колхозов. Показано, что система оплаты труда постепенно эволюционировала от уравнительного распределения к оплате в зависимости от профессии и квалификации члена колхоза, от негарантированной оплаты труда к гарантированному ежемесячному заработку колхозника.

Ключевые слова и фразы: колхоз; колхозное производство; колхозное крестьянство; трудодень; оплата труда; заработная плата.

Изьмова Лариса Владимировна, к.и.н., доцент
Вологодский государственный университет
ilvvlogda05@rambler.ru

ОПЛАТА ТРУДА В КОЛХОЗАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1930-1960-Е ГОДЫ

В процессе развития колхозного строя в 1930-1960-е гг. вносились серьезные коррективы в оплату труда колхозников. Цель статьи – проследить эволюцию в оплате труда в колхозах Европейского Севера России в 1930-1960-е гг. Изучение данного вопроса позволяет лучше понять политику государства в отношении